

УДК: 168.5

DOI: 10.15372/PS20250607

END: IQRASW

А.В. Хлебалин

КОНТИНГЕНТНОСТЬ НАУКИ И НЕИЗБЕЖНОСТЬ НАУЧНОГО РЕЗУЛЬТАТА

Представлена экспозиция формирующегося в рамках практико-ориентированной философии науки новое методологическое направление, в связи с решением проблемы соотношения контингентности и неизбежности динамики научного знания. Анализируются эпистемологические и методологические принципы формирующегося направления и его значимость для классических пробел философии науки.

Ключевые слова: контингентность развития науки, неизбежность научного результата, поворот к практике в философии науки

A.V. Khlebalin

CONTINGENCY OF SCIENCE AND THE INEVITABILITY OF SCIENTIFIC RESULTS

This paper presents an exhibition on a new methodological approach emerging within the practice-oriented philosophy of science, addressing the problem of the relationship between contingency and the inevitability of the dynamics of scientific knowledge. The article analyzes the epistemological and methodological principles of this emerging approach and its significance for classical approaches to the philosophy of science.

Keywords: contingency of scientific development, inevitability of scientific results, turn to practice in the philosophy of science.

Начавшийся с 70-х и вполне оформившийся в 90-х гг. XX в. в философии науки поворот к практике науки – практике получения, обоснования, распространения и организации хранения научного знания, - не только существенно изменил предмет интереса философии науки, но и привел к постановке вопросов, ранее не попадавших в поле внимания исследователей. Одним из таких вопросов, на поверхностный взгляд кажущийся спекулятивным и даже праздным, является вопрос о неизбежности развития науки, постановкой которого мы обязаны И. Хакингу. Пошатнувшееся благодаря ставшей невероятно популярной даже далеко за пределами академической области позиции философов науки, известных как постпозитивисты, виговское представление о развитии науки как уверенное шествия по направлению к совершенной научной истине с опорой на некий универсальный метод научной рациональности, невольно рисовал картину неминуемого прогрессивного развития, в котором новый результат был чуть ли не предопределен ранее поученными. «Практический поворот» обнаружил гораздо более сложную структуру развития научного знания, организованную взаимодействием множества агентов, на которое влияют непредсказуемым образом различные, посторонние по отношению к корпусу научного знания, факторы [см. 1]. Позволив себе грубую аналогию, можно сказать, что практический поворот в философии науки сыграл роль, аналогичную роли микроскопа: позволил обнаружить в развитии научного знания большое количество факторов самой разной природы, которые при классическом понимании динамики знания как динамики отношений теорий, оставались не замеченными или признавались нерелевантными для понимания природы развития научного знания.

Вместе с тем, практический поворот вовсе не привел к представлению о хаотичности динамики научного знания; он по-новому заставляет задуматься о соотношении контингентных и необходимых элементов динамики научного знания. При этом ответ на подобный вопрос явно не предполагает нахождения некоей формулы, выражающей соотношение этих элементов, универсально применимой к любой области научного знания в любой момент развития ее истории. Практический поворот обнаружил

контекстно-зависимые, локальных вариации организации практике, как в диахроническом, так и в синхроническом аспектах. Обнаруженная изменчивость во времени и пространстве породила тенденцию подчеркивать роль случайных аспектов в развитии науки. Сама эта такая тенденция принимает различные формы, в которых по-разному оценивается роль случайных факторов развития науки – от абсолютизации их роли до признания не более чем случайных, не оказывающих существенного влияния на развитие научного знания. С одной стороны, очевидно, что наука не является неизбежной. Как выразил эту идею И. Хакинг, наша цивилизация вообще могла не породить такой вид культурной практики и нет ровным счетом ничего в истории эволюции нашего вида, что делало бы появление научного знания неизбежным на определенном этапе развития культуры. Вместе с тем, обращаясь к истории уже сформировавшейся науки, мы, силами, например Э. Пикеринга, обнаруживаем влияние на развитие науки большого числа факторов, явно посторонних по отношению к содержанию знания [см. 2].

Вопрос о соотношении роли неизбежных и случайных факторов в развитии научного знания получил формулировку проблемы контрафактического развития науки. Контрфактуальная история науки и размышления о ее истории в духе «что, если бы...», инспирированные обнаружением контингентных факторов, оказывающих влияние на ее развитие, стали заметной аргументативной стратегией в споре о соотношении неизбежного и контингентного в динамике научного знания. Учитывая распространенность в современной философии науки натуралистических и эмпирически ориентированных методологических установок, контрафактические рассуждения о развитии науки часто обесцениваются без дальнейших объяснений как лишенные какого-либо эмпирического значения и, следовательно, неспособные обосновать что-либо. Как выразился С. Шэйпин, контрафактуалисты страдают от «недостатка достоверности» [3].

Проблема эпистемологической ценности контрафактических сценариев развития науки заключается в нахождении критерия их правдоподобности, при обсуждении которого даже граница между «чисто логической» и исторической возможностью, проблема-

тична. Вполне возможно представить себе различные степени и различные виды возможностей, которые не так просто охарактеризовать, сравнить и сопоставить, пытаясь осмыслить шкалу, которая на одном своем конце имеет реальную историю науки, а на другом - «чисто логические» и весьма абстрактными возможностями, включая включающие сценарии, лишь незначительно отличающиеся от реальной истории науки, вплоть до совершенно фантастических (черпающих свое вдохновение и ресурсы в роялистском ключе понимаемой семантике возможных миров). Интуитивный характер таких рассуждений, естественно приводит многих апологетов практико-ориентированной философии науки к тому, чтобы отказаться от контрфактуалистской стратегии изучения развития научного знания [4]. Другие же, не отвергая полностью использование контрфактических рассуждений, отдают предпочтение обращению к реальной истории науки, насколько это возможно в вопросе о соотношении неизбежного и контингентного в динамике знания.

В такой ситуации мы можем фиксировать еще одну позицию в отношении контрафактических сценариев развития науки: признание неразрешимости вопроса об их правдоподобности, а тем самым, признание за такими сценариями разве что эвристической ценности [4]. Но нужно отметить, что оценки разрешимости, очевидно, зависят от понимания того, что вообще в данном контексте понимается под «разрешимостью» и какие критерии разрешимости следует использовать. В спорах контрфактуалистов часто «разрешимость» понимается как возможность получения достаточно убедительных эмпирических доказательств локальной истории науки. Однако, даже в случае согласия с таким пониманием разрешимости, сторонник контрфактуалистского подхода обречен на столкновение с проблемой того, что вообще может считаться эмпирическим доказательством по отношению к контрфактуалистским сценариям, любое решение которой обрекает на дискуссию о соотношении философии науки и социологии и истории науки, в которой надежда на обретение согласия становится поистине призрачной.

Наиболее жизнеспособную стратегию поиска ответа на вопрос о разрешимости спора между сторонниками контингентизма

и неизбежности, и, как следствие, вопрос о доказательной базе, которую могут предоставить историко-социальные тематические исследования, предлагает, на наш взгляд, К. Кинцель [5]. Эта стратегия заключается в различении нескольких уровней формулировки проблемы: общей абстрактной и локальной конкретной формулировок. Согласно Кинцель, ситуация с каждой формулировкой проблемы резко различается с точки зрения концептуальной ясности и разрешимости. Когда вопрос формулируется на абстрактном уровне, его центральные понятия остаются «расплывчатыми» и «глубоко проблематичными», и на этом общем уровне формулировки «неясно, как вообще могут существовать эмпирические доказательства случайности и неизбежности развития науки». Но когда вопрос формулируется на локальном, конкретном уровне, он «может быть относительно ясно понят», и эмпирические доказательства могут быть найдены в историографических реконструкциях эпизодов развития науки, на фоне которых контингентизм и «иневиитабиллизм» (отсутствие термина, заставляет нас здесь воспользоваться калькой) могут быть сравнительно оценены. Нужно отметить, что методологическая стратегия Кинцель и ее позиция относительно возможности эмпирического подтверждения на локальном уровне анализа проблемы во многом соответствуют вариантам, которые предпочитает и реализует, например, Гарри Коллинз [4]. Предложенная К. Кинцель стратегия, нашедшая немало сторонников, нам кажется наиболее жизнеспособной на данный момент времени.

Особенностью развития дебатов вокруг контингентизма в развитии науки и эпистемологической ценности контрфактуалистских сценариев развития научного знания является их тесная связь, заявленная сразу в момент формирования дискуссии, с рядом известных и важным тем философии науки. Прежде всего, разумеется, это проблема научного реализма; во-вторых, – проблема научного плюрализма; и в-третьих, известные тезисы о недостаточной детерминированности теорий данными наблюдений, несоизмеримость научных парадигм и связанные с ними классические проблемы динамики научного знания. Последние тезисы, хотя и имеют свою, уже вполне оформившуюся традицию и отличаются друг от друга в важных аспектах, тем не менее, при об-

суждении проблемы контингентности развития научного знания, зачастую увязываются, на том основании, что их объединяет один аспект, который оказывается решающим в контексте проблемы контингентности и неизбежности научного знания: представления о факторах, определяющих развитие научного знания, которые включены в эти тезисы, подразумевают, что коллективный «выбор», фактически совершенный прежде в истории науки между конкурирующими теориями, вполне мог быть совершенно иным и при этом эпистемологически вполне обоснованным [Кушинг]. Тем не менее, несмотря на заявленную таким образом связь указанных классических тем философии науки с дебатами о соотношении контингентного и неизбежного в динамике научного знания, последние появляются лишь как своего рода эпифеномен в дискуссиях о научном реализме, научном плюрализме, недоопределенности и несоизмеримости.

Проблема соотношения контингентных и неизбежных факторов в развитии науки пока еще находится на стадии формирования. Амбиции участников дискуссии, особенно в связи оправданностью рассуждений о контрафактической истории научного знания, простираются далеко за пределы изучения локальных проблем и сюжетов в истории развития науки, претендую представить результаты, имеющие значимость для философии науки в целом. Далеко не всегда эти претензии принимаются как обоснованные. Вместе с тем, уже полученные результаты не могут быть проигнорированы как простая, пусть и увлекательная, но лишь фантазия о том, «как оно могло бы быть, если бы». Проблема контингентизма/интевитабилизма в динамики научного знания приставляет из себя одну из вариаций решения вопроса о соотношении философских и исторических исследований науки. Широко принятое заявление Лакатоса о том, что «философия науки без истории науки пуста; история науки без философии науки слепа», может быть реализовано совершенно по-разному. Дебаты о соотношении контингентизма/интевитабилизма в развитии науки, являются одним из вариантов реализации этой максимы Лакатоса. И если, согласно другому широко признанному утверждению о том, что «история не знает сослагательного наклонения», то сторонники интересующего нас здесь методологического

направления философии науки заявят, что в случае философии науки дела обстоят с точностью до наоборот. В любом случае, пока рано судить о судьбе этого методологического направления. Но уже полученные ими результаты явно представляют интерес для философии науки.

Литература

1. *Hackig I.* The taming of chance. Cambridge University press, 2014.
2. *Pickering A.* Constructing Quarks: A Sociological History of Particle Physics. Chicago: University of Chicago Press. 1984.
3. *Shapin, S.* “What Else Is New? How Uses, Not Innovations, Drive Human Technology.” *New Yorker*, May 14. [режим доступа: <http://www.virtualrhetoric.com/onlineclass/moodledata/12/Readings/Shapin.pdf>]. 2007.
4. *Collins, H.* The Role of the Core-set in Modern Science: Social Contingency with Methodological Property in Science. // *History of Science*. 1981. Vol. 19. №. 1. P. 6–19.
5. *Kinzel, K.* 2. Could the Results of Our Science Have Been Different? Contingency and Inevitability in the Philosophy and Historiography of Science. PhD thesis, University of Vienna, Austria. 2014.
6. *Cushing, J.T.* Quantum Mechanics: Historical Contingency and the Copenhagen Hegemony. Chicago: University of Chicago Press. 1994.

Reference

1. *Hackig I.* (2014). The taming of chance. Cambridge University press.
2. *Pickering A.* (1984). *Constructing Quarks: A Sociological History of Particle Physics*. Chicago: University of Chicago Press.
3. *Shapin, S.* (2007). “What Else Is New? How Uses, Not Innovations, Drive Human Technology.” *New Yorker*, May 14. <http://www.virtualrhetoric.com/onlineclass/moodledata/12/Readings/Shapin.pdf>.
4. *Collins, H.* (1981). The Role of the Core-set in Modern Science: Social Contingency with Methodological Property in Science. // *History of Science*. 1981. Vol. 19. №. 1. P. 6–19.

5. *Kinzel, K.* (2014). *Could the Results of Our Science Have Been Different? Contingency and Inevitability in the Philosophy and Historiography of Science.* PhD thesis, University of Vienna, Austria.

6. *Cushing, J.T.* (1994). *Quantum Mechanics: Historical Contingency and the Copenhagen Hegemony.* Chicago: University of Chicago Press.

Информация об авторе

Хлебалин Александр Валерьевич – Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия).

sasha_khl@mail.ru

Information about the author

Khlebalin Alexander Valerievich – Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8, Nikolaeva st., Novosibirsk, 630090, Russia).

sasha_khl@mail.ru

Дата поступления 12.08.2025

Дата принятия в печать 23.12.2025